

УДК 82.09.091

В.Ф. СОКОЛОВА

РОЛЬ ЖУРНАЛОВ "МОСКВИТЯНИН" И "ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ" В НАУЧНОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ИССЛЕДОВАНИИ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Проблема взаимодействия и взаимозависимости русской литературы XIX в. и становившейся историко-филологической науки до настоящего времени ждет своего исследования.

Особую роль в изучении психологии народа и истоков его культуры в 40-е гг. играли журналы "Москвитянин" и "Отечественные записки", занимавшие порой прямо противоположные позиции в понимании народного характера и народного искусства. Если погодинский "Москвитянин", утверждавший традиционность народного миропонимания, первостепенное значение придавал археологическим материалам, то журнал "Отечественные записки", вдохновляемый идеями Белинского, отдавал предпочтение современности.

Материалы исследований, публиковавшиеся на страницах журналов в жанре документального или художественно-этнографического очерка, содействовали укреплению реализма в русской литературе, а обогащение очерковой основы вело к формированию новых жанровых конструкций его эстетической системы.

Напряженная теоретическая борьба за народность в эпоху 40-х гг. XIX в., оказывавшая огромное влияние на характер историко-литературного процесса, способствовала быстрому развитию русской историко-филологической науки. Исторические, этнографические и фольклорные исследования проводились с определенно заданной целью: выявить через изучение народной поэзии, нравов, обычаев исторического прошлого народа его нравственные идеалы и духовные устремления.

Неоценимую роль в организации научных исследований национальной жизни народов, населяющих Россию, освещении и истолковании собранных материалов играли журналы, и в первую очередь, занимавшие порой прямо противоположные позиции в понимании стоящих перед отечественным народознанием задач, – "Москвитянин" и "Отечественные записки". Характер публиковавшегося материала, раскрывающего специфику народной психологии, напрямую зависел от идеологических установок этих журналов.

"Москвитянин" 40-х гг. сплотил вокруг себя преимущественно славянофильские и близкие им по своей идеологической ориентации силы, что сказывалось не только в теоретических построениях, но и в практике его сотрудников. В смысле обогащения формировавшейся историко-филологической науки народоведческими материалами славянофилы сделали очень много. На страницах журнала печатались фольклорные, исторические, этнографические материалы, которые стекались из разных уголков России. Редактор "Москвитянина" М.П. Погодин (1800 – 1875) привлек к сотрудничеству в журнале много молодых энтузиастов-исследователей, которые не только поставляли в редакцию собранные материалы, но и обогащали все новыми поступлениями его древлехранилище.

В журнале публиковали свои материалы П. Киреевский, В. Даль, М. Михайлов, печатались многочисленные местные собиратели. Интерес Погодина к этнографии и фольклору не ограничивался только русским народом, но захваты-

вал все народности, живущие на территории России. В журнале сотрудничали видные фольклористы: Сахаров, Снегирев, Кулиш, Костров и др.

Большой энтузиаст в изучении отечественной старины, Погодин резко расходился в своих взглядах на русский народ и его историю как с правыми западниками, так и с возглавлявшим их левое крыло В.Г. Белинским, бывшим в то время идейным руководителем журнала "Отечественные записки".

Свое понимание истории и русского национального характера Погодин красноречиво выразил в статье "Параллель русской истории с историей западных европейских государств относительно начала", напечатанной в 1845 г. в "Москвитяине", где утверждал, что "русская государственность складывалась иным путем, чем на Западе: там господствовала вражда и насилие, у нас – любовь и единение. Начальным моментом на Западе было завоевание, в России – добровольное и любовное единение. В основу исторического пути русского народа ложился принцип смирения и покорности: Россия не только не знала завоеваний, но добровольно подчинялась врагам" [1, с. 331-332]. Сама российская история, по Погодину, становилась "охранительницей и блюстительницей общественного порядка и спокойствия". Отсюда вытекала и оценка Погодиным русского национального характера. Изучая национальную культуру, он стремится уловить, прежде всего, такие черты народной "физиономии", как доброта, смирение, непротипление.

Типичные для официальной народности построения Погодина и сам метод его доказательств были неприемлемы даже для тех деятелей современной ему науки, которые в свое время составили основу и сущность славянофильства. В своем отклике на статью Погодина возмущенный П. Киреевский писал: "Народ, который подчиняется спокойно первому пришедшему, который принимает чуждых господ без всякого сопротивления, которого отличительный характер составляет безусловная покорность и равнодушие и который даже отрекается от своей веры по одному приказанию чуждых господ, – не может внушать большой симпатии. Это был бы народ, лишенный всякой духовной силы, всякого человеческого достоинства, отверженный Богом; из его среды никогда не могло бы выйти ничего хорошего" [1, с. 332].

Однако в своей трактовке русского национального характера Погодин не всегда был последователен. Одно дело – теоретические, умозрительные построения, другое дело – жизнь. События 1848 г. на Западе заставили его трезво посмотреть на русскую историю и по-другому оценить народный характер. Анализируя европейские события и рассуждая о русском народе, он пишет на страницах "Москвитянина": "Мирабо для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачев. Ледрю Роллен со своими коммунистами не найдут у нас приверженцев, а перед Никитю Пустосвятом разинет рот любая деревня. На сторону Маццини не перешагнет никто, а Степан Разин лишь клички клич! Вот где кроется наша революция, вот с какой стороны стена наша представляет проломы... Да и теперь не убивают ли ежегодно до тридцати помещиков? Ведь это все местные революции, которым недостает только связи, чтобы получить значение особого рода" [1, с. 405].

Тем не менее, бунтарские настроения, порой проявляющиеся в русском народе, Погодин не склонен рассматривать как характерную черту национального характера. Это, по его мнению, скорее отклонение от самобытных начал, результат внешних, чуждых природе русского человека влияний. Поэтому в своей научно-собираательской и литературно-художественной деятельности Погодин останавливает свое внимание преимущественно на том, что свидетельствует

вало о традиционности народного сознания, о трудолюбии, покладистости и талантливости простого человека.

Иной позиции в понимании народного характера и изучении исторического опыта народа придерживались "Отечественные записки". Для Белинского в 40-е гг. одной из кардинальных проблем стал вопрос о роли народных масс в историческом процессе. Его обращение к народной культуре было связано со стремлением не только постичь дух народа, но и осмыслить путь его формирования и предугадать его дальнейшее развитие. Белинский полностью сходится с Погодиным в мнении о важности изучения народной культуры, способствующей познанию русского национального характера. "Без народного характера, без национальной физиономии, – утверждает он, – государство не живое органическое тело, а механический препарат, но, с другой стороны, и национального духа недостаточно, чтобы народ мог считаться существенным и действительным в области мироздания". Но в противоположность Погодину Белинский считает необходимым при изучении народного характера акцентировать внимание не только на специфически национальных, но и общечеловеческих началах. "Все особенное и единичное, всякая индивидуальность, – продолжает он, – действительно существует только *общим*. Индивидуальность – признак без общего, общее, в свою очередь, – признак без *особенного*". Народность, по Белинскому, должна быть "формой проявления идеи человечества" [2, с. 308]. Это был вывод, прямо противоположный тому, к которому подводил Погодин читателя на страницах журнала "Москвитянин".

Большой резонанс в общественных кругах получили обсуждавшиеся на страницах "Москвитянина" и "Отечественных записок" выходившие в 30 – 40-е гг. собрания русского фольклора И.П. Сахарова, И.М. Снегирева, А.В. Терещенко. Имея в виду собрания Сахарова "Сказания русского народа" (1836 – 1849), "Путешествия русских людей в чужие земли" (1837), "Песни русского народа" (1839 – 1839), "Записки русских людей" (1841), И. Срезневский писал: "Кто жил в то время, не чуждаясь литературы, тот знает, как сильно было впечатление, произведенное книгами Сахарова, особенно книгами "Сказания русского народа", – не только между любителями русской старины, но и в образованном кругу" [3, с. 278].

При всей значимости трудов Сахарова, в них отчетливо проявились чуждые читателям "Отечественных записок" откровенно высказываемая собирателем ненависть ко всему иностранному, его голословное восхваление старины, постоянные сожаления об утрате понятий и нравов "доброе старое время". Оглядываясь в прошлое, Сахаров неизменно видит там активно пропагандируемую "Москвитянином" "аркадскую" простоту чисто русской патриархальной старины.

Собрания Сахарова, его воззрения на прошлое и настоящее народа оказывали довольно сильное влияние на русскую литературу, особенно на писателей славянофильской ориентации. Этому отчасти способствовала высокая оценка, данная в начале 40-х гг. трудам Сахарова Белинским, ценившим любое проявление неподдельной любви к простому народу и искреннее стремление к изучению его культуры. "Честь и слава деятельности г. Сахарова и любви его к избранному предмету! Добровольные, бескорыстные труды его не останутся без вознаграждения" [4, с. 183-184], – писал он, ознакомившись с вышедшим в начале 40-х гг. третьим изданием «Сказаний русского народа».

Как "Москвитянин", так и "Отечественные записки" высоко оценили выходившие собрания фольклора И.М. Снегирева "Русские народные праздники и суеверные обряды" (1837 – 1839), "Русские народные пословицы и притчи"

(1848) и книгу А.В. Терещенко "Быт русского народа" (1848). Проникнутые искренней любовью к простому народу, эти издания оказывали сильное влияние на умонастроения современников. Вместе взятые, они представляли своеобразную энциклопедию русской обрядовой жизни. Более того, обращаясь к историческому прошлому, собиратели фольклора надеялись пробудить патриотический дух у молодого поколения, дать образцы добродетели и верности своему отечеству.

Проникнутые духом официальной народности, книги названных собирателей, тем не менее, до настоящего времени представляют непреходящую ценность для любителей русской народной культуры и исследователей русского национального быта. Недаром К.Д. Кавелин называл книгу Терещенко "одним из самых полных и богатых материалов для (изучения. – В.С.) теперешнего и древнейшего быта русского народа" [5, с. 5], несмотря на то что использованные собирателем методы изучения и объяснения русских нравов и обычаев для него были неприемлемы.

Высокую оценку на страницах "Отечественных записок" дал сборнику Сахарова "Песни русского народа" М.Н. Катков, страстно призывая своих соотечественников к дальнейшему собиранию и изучению народной культуры.

Как сами сборники фольклорно-этнографических материалов, так и их обсуждение на страницах газет и журналов, побуждали читателей к научным поискам, заставляли по-новому смотреть на возможность отражения народной жизни в художественной литературе.

Уже в 40-е гг. появляются на страницах "Москвитянина" и "Отечественных записок" первые документальные и художественно-этнографические очерки, раскрывающие своеобразие жизни демократических слоев русского общества.

Стремление авторов публикуемых материалов к живописности изображения народной жизни определили особую популярность в литературе жанра художественно-этнографического очерка. Белинский очень высоко ценил очерковые жанры и неоднократно выступал против разграничения художественной и очерково-публицистической литературы. "Хотят видеть в искусстве своего рода умственный Китай, резко отделенный точными границами от всего, что не искусство в строгом смысле слова, – писал он в 1847 г., – а между тем эти пограничные линии существуют более предположительно, нежели действительно, по крайней мере, их не укажешь пальцем, как на карте границы государства. Искусство по мере приближения к той или иной границе постепенно теряет нечто от своей сущности и принимает в себя от сущности того, с чем граничит, так что вместо разграничивающей черты является область, примиряющая обе стороны" [6, с. 318].

Основную черту реалистического очерка Белинский видел в верности жизненным фактам, обыденности, "вседневности" жизни, в передаче ее характерных явлений – во всем том, что выражает верную "физиономию" народа.

Каждый из журналов, публиковавших очерки, освещавшие народную жизнь, придерживался своего направления. Большинство очеркистов и исследователей национальной жизни, группировавшихся вокруг журнала "Москвитянин", были уверены, что наиболее верный путь познания русского национального характера – обращение к старине. "... старина народная, – пишет А.Н. Пыпин, – представлялась наиболее ревностным адептам в таинственном, мистическом свете, как нечто священное, патриархально-мудрое, в чем скрыт истинный палладиум народности, свободной от всякой порчи заморскими нравами" [3, с. 276].

Типичными для “Москвитянина” были публикации очерков самого редактора журнала. Начиная с 1840 г. Погодин печатает путевые очерки, содержащие богатейший историко-этнографический материал из жизни русской провинции: “Нижний. Дорожные записки” (№ 9, 1841), “Путевые записки” (№ 10, 1841), “Из записок Погодина”, “Дорога от Нижнего до Вологды” (№ 11, 1841) и др.

Автора очерков интересуют, прежде всего, остатки русской старины и фольклор исторического значения, по которым он пытается воссоздать жизнь народа ушедших в прошлое эпох. Предание об Иоанне Грозном, будто бы намеревавшемся перенести свой стол на север, раскрывает историческое прошлое Вологды, своеобразие культуры края, его отношения с Москвой (“Путевые заметки”). Сохранившиеся осколки старины помогают писателю воскресить древние обычаи русского Севера и национальный быт народа.

Исследуя этнографию провинциальных уголков России, очеркист стремится обнаружить истоки русской культуры и обрести настоящую, не “испорченную” чужеземными влияниями Русь. Он сравнивает Подмоскovie с Поволжьем, волжан с москвичами и убеждается в том, что исконную Русь следует искать вдали от столиц и крупных культурных центров. Его приводит в восхищение деревянная скульптура Поволжья, народное мастерство провинциальных кустарей. Он восторгается талантливостью простого русского мужика, волжскими городами – Балахной, Кинешмой, Костромой, – где сохранились остатки старой Руси. Его радуют волжане: “народ рослый, румяный – сердце радуется” [7, с. 258].

Значительный интерес для исследователя народной жизни представляли и печатавшиеся на страницах “Москвитянина” очерки П. Савватиева (№ 11, 1842), в которых описывалась жизнь, труд, нравственный облик населения северного края России – зырян, русских. Путешественник заносит в свой блокнот, все что попадает ему на глаза. Его интересуют народные предания, в которых слышатся голоса ушедших в далекое прошлое времен (“Дорожные заметки от Вологды до Устюга”).

Иной характер носили очерки, печатавшиеся на страницах “Отечественных записок”. Их авторов интересовал, прежде всего, современный быт и современное положение народа, состояние экономики страны и настроения ее разных общественных слоев. Не оставались без внимания в их исследованиях национальной жизни и остатки старины, проливающие свет на истоки современной русской культуры. В этом отношении обращают на себя внимание печатавшиеся в разделе “Смесь” “Отечественных записок” (1839 – 1842) “Дорожные записки по пути из Тамбовской губернии в Сибирь” П.И. Мельникова, принявшего позднее псевдоним Андрея Печерского. Очеркиста прежде всего интересует не старина, остатки которой он находит в каждом населенном пункте, а настоящее состояние обследуемых губерний. Он подробно рассказывает о каждом встречающемся на его пути населенном пункте – Арзамасе, Ардатове, Нижнем Новгороде, Перми, Соликамске, селах и деревнях, уральских заводах и монастырях, дает целый ряд этнографических типов людей той или иной местности, приводит интересные статистические данные, исторические справки.

Отражая характерные факты русской жизни, авторы документальных очерков 30 – начала 40-х гг. представляли российскую действительность как бы в разрезе. Свое понимание наблюдаемых фактов они выражали не средствами “художественного домысливания”, а непосредственно, то есть публицистически.

Выполняя роль информации и иллюстрации, документальный очерк воспринимался как разведчик новых для общественного сознания проблем и новых тем для художественного исследования действительности.

Журнальные публикации народоведческих материалов, их популярность в читательских кругах определили появление циклов документальных очерков, представленных отдельными изданиями. Одним из таких изданий была книга П. Свинына "Картины России и быт ее разноплеменных народов" (СПб., 1840), состоящая из 40 статей и 40 гравюр. В ней описывается Московский Кремль и Бородинское поле, Кострома и Керчь, Бахчисарай и Киевские пещеры, Полтава и Таганрог и т.д. Перед мысленным взором читателя встают то воинственные донские казаки, то воронежские купчихи и мещанки в их оригинальных костюмах, то малороссияне, то цыгане, то костромичи. Главная цель автора книги состоит в том, чтобы "заставить вспомнить читателя виденное или прочитанное, а малознакомому с Россией, ее историей и разнообразными местностями представить много интересных новостей" [8, с. 62-63].

Фактически издание П. Свинына предвещало альманахи, печатавшие так называемые "физиологии", в которых важную роль играл уже художественно-беллетристический элемент. От очерка, получившего название "физиологического", ведет свое начало и "натуральная школа" 40-х гг. "как наиболее зрелая стадия реалистического направления, берущего свое начало в середине предыдущего десятилетия" [9, с. 13].

Физиологические очерки, печатавшиеся на страницах разных альманахов, журналов "Отечественные записки" и "Современник", явились результатом изучения современного народного быта и своеобразным ответом на призыв Белинского создать боевую беллетристику, оперативно откликающуюся на злобу дня. Их авторы как бы "вычленили" то или иное явление из многообразия действительности и подвергали его тщательному исследованию. "В отличие от очеркистов, которые воспроизводили избранный ими предмет, – пишет А.Г. Цейтлин, – "физиологи" стремились изучить его с помощью художественных средств" [10, с. 110-111]. В 40-е гг. этот литературный жанр был не менее популярен, чем фантастическая повесть предыдущего десятилетия. "Физиологии" отличались простотой построения и прозрачностью объекта изображения. Повествование и рассказ о событиях в них обычно сменяются характеристикой того или иного явления, его исследованием, выявлением его места и функций в общественном организме.

Подобный анализ жизненных явлений требовал от очеркиста острой наблюдательности, умения ориентироваться в обстоятельствах и строгого определения жизненной позиции.

"Физиология", как правило, – очерк художественно-этнографический, способствующий познанию народа и выяснению традиций национального быта. Давая высокую оценку жанру очерка как своеобразному "разведчику" новых для литературы проблем, Белинский призывал современных писателей к художественно-этнографическому исследованию "беспредельной и разнообразной России". "При всей качественной бедности и численном богатстве, – писал он в предисловии к "Физиологии Петербурга", – у нас вовсе нет беллетристических произведений, которые бы в форме путешествий, очерков, рассказов, описаний знакомили бы с различными частями <...> России, которая заключает в себе столько климатов, столько народов и племен, столько вер и обычаев, в которой коренное русское народонаселение представляется такою огромною массою, с таким множеством самых противоположных и разнообразных пластов и слоев, пестреющих бесчисленными оттенками... А сколько материалов представляют собою огромная Россия, Малороссия, Белоруссия, Новороссия, Финляндия, Остзейские губернии, Крым, Кавказ, Сибирь" [11, с. 376-377].

В 40-е гг. большой популярностью пользовались печатавшие на своих страницах физиологические очерки альманахи. По своей значимости особенно выделялся альманах А.П. Башуцкого "Наши, списанные с натуры русскими", вызвавший крайнее недовольство Булгарина, который увидел в нем "союзника литературной партии, представленной "Отечественными записками".

Одной из своих задач авторы физиологических очерков считали поиски типов и их описание. Очеркисты брали разные аспекты типизации. Наиболее значительные из них – социальный, профессиональный и национально-этнографический. С помощью бытового, социально-этнографического материала они пытались создать то, что можно было бы назвать "национальным типом русской жизни".

Так, в очерке Башуцкого "Водовоз" преобладает социальный аспект. Весь очерк пронизывает гуманистическая идея сочувствия простому человеку, задавшему бедностью и непосильным трудом. Его очеркист противопоставляет тем, кто полагает, что на "атлантовых раменах светскости и важности держится шар земной" [12, с. 1].

Примером типизации по профессиональному признаку служит очерк Д.В. Григоровича "Петербургские шарманщики", в котором ведется исследование особенностей труда и образ жизни нищих музыкантов столицы.

Одним из наиболее удачных примеров типизации по национально-этнографическому признаку типизации является очерк В. Даля "Уральский казак", также напечатанный в альманахе Башуцкого, близком по идейной направленности к "Отечественным запискам".

"Вседневность", "типизм", присущие физиологическому очерку 40-х гг. XIX в., полностью отвечал потребностям развития русской литературы, содействовал укреплению и окончательной победе в ней реалистического направления.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Азадовский, М.К.** История русской фольклористики / М.К. Азадовский. – М.: Изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1958. – 478 с.
2. **Белинский, В.Г.** Сочинения: в 13 т. / В.Г. Белинский; под ред. А.Е. Венгерова. – Пб.-Пг., 1900 – 1917.
3. **Пыпин, А.И.** История русской этнографии / А.И. Пыпин. – СПб., 1890. – Т. 1.
4. **Белинский, В.Г.** Полное собрание сочинений: в 11 т. / В.Г. Белинский. – М.: Худ. лит., 1953. – Т. 5. – 803 с.
5. **Кавелин, К.Д.** Собрание сочинений: в 4 т. / К.Д. Кавелин. – СПб., 1904. – Т. 4.
6. **Белинский, В.Г.** Полное собрание сочинений: в 11 т. / В.Г. Белинский. – М.: Худ. лит., 1953. – Т. 10. – 474 с.
7. **Погодин, М.П.** Дорога от Нижнего до Вологды / М.П. Погодин // Москвитянин. – 1841. – № 2.
8. **Свиньин, П.П.** Картины России и быт ее разноплеменных народов / П.П. Свиньин // Отечественные записки. – 1842. – Т. 14.
9. **Кулешов, В.И.** Натуральная школа в русской литературе XIX в. / В.И. Кулешов. – М.: Просвещение, 1982. – 239 с.
10. **Цейтлин, А.Г.** Становление реализма в русской литературе / А.Г. Цейтлин. – М.: Наука, 1965. – 319 с.
11. **Белинский, В.Г.** Полное собрание сочинений: в 11 т. / В.Г. Белинский. – М.: Худ. лит., 1953. – Т. 8. – 728 с.
12. **Башуцкий, А.П.** Водовоз / А.П. Башуцкий // Наши, списанные с натуры русскими. – СПб., 1848.